

Глава 6

Тринадцатое новолуние

Комната Те Хэнцю была наполнена ароматом лекарств.

Пилюля одинокого духа Вань Лайцзина была поистине чудесной. После неё у него проснулся зверский аппетит.

Но притворяться больным всё равно было нужно. Он хотел, чтобы вся школа видела, как сильно он пострадал.

Эх, кто бы мог подумать, что этот простоватый на вид мечник Те Хэнцю на самом деле хитрый интриган?

Он полулежал в постели, держа в руках роман. Услышав, как сработала охранная печать на двери, он тут же спрятал книгу, прижал руку к груди и принялся кашлять.

Дверь тихо отворилась.

Те Хэнцю поднял голову и увидел, что в комнату вошёл его наставник, Юнь Сыгуй.

«В день испытания его не было, а после происшествия он явился только через семь дней, — подумал Те Хэнцю. — Похоже, этот наставник не очень-то меня ценит».

«Наставник», — Те Хэнцю сделал вид, что пытается встать, чтобы поприветствовать его, и, как и ожидалось, Юнь Сыгуй остановил его жестом руки.

«Не нужно церемоний, ты ещё не оправился от ран, лежи спокойно», — Юнь Сыгуй подошёл к кровати, поставил деревянную шкатулку на стол и мягко произнёс: «Это некоторые целебные средства, которые я специально для тебя приготовил, они помогут тебе восстановиться».

Те Хэнцю искоса взглянул: дешёвка.

Не то что с Пилюлей одинокого духа, даже с одним усиком женьшеня Хэ Чуми всё содержимое этой шкатулки не сравнится.

Глядя на эти вещи, Те Хэнцю понял, что Юнь Сыгуй — старый скряга, и не стоит тратить силы на то, чтобы ему понравиться, с него всё равно ничего не получишь.

Мысли его были сложными, но на лице он сохранил простодушное выражение и почтительно

произнёс: «Спасибо за заботу, наставник, я не заслужил».

Юнь Сыгуй мягко улыбнулся: «В этот раз на испытании хоть и были некоторые трудности, но всё обошлось. Я слышал, ты хорошо себя проявил и официально стал учеником внутренней ступени. Это твоя удача».

Услышав это, Те Хэнцю едва не расхохотался.

Слова Юнь Сыгуя можно было перевести так: «Хоть на тебя и напали, но ты же не умер, считай, повезло, так что седи и радуйся! И не смей никого обвинять, щенок!»

Те Хэнцю опустил голову, скрывая разочарование, и почтительно ответил: «Да, ученик понял. Спасибо за наставление, наставник».

Юнь Сыгуй удовлетворённо кивнул. Покорность Те Хэнцю успокоила его, дав ощущение власти и безопасности.

Решив после кнута дать пряник, он смягчил тон: «Впрочем, раз уж ты стал учеником внутренней ступени, я не могу тебя обидеть. Твоя стойкость и находчивость, проявленные на испытании, действительно заслуживают похвалы».

С этими словами он достал из рукава свиток и протянул Те Хэнцю: «Это техника, которую я обрёл в юности, называется „Сокровенное искусство сердца Сокрытого облака“. Хоть она и не самая лучшая, но для твоего нынешнего уровня будет очень полезна. Возьми, изучай, если что-то будет непонятно, можешь в любое время спросить у меня».

«Спасибо за вашу щедрость, наставник, — Те Хэнцю принял свиток. — Ученик будет усердно тренироваться и не подведёт ваших ожиданий».

Юнь Сыгуй удовлетворённо кивнул, втайне размышляя. Он дал Те Хэнцю эту технику, чтобы и успокоить его, и проверить его реакцию. Если бы Те Хэнцю проявил слишком много радости или подозрительности, Юнь Сыгуй насторожился бы. Но реакция Те Хэнцю была идеальной — вежливой и сдержанной, что окончательно успокоило Юнь Сыгуя.

«Хорошо, отдыхай», — сказал Юнь Сыгуй и ушёл.

Те Хэнцю с почтением проводил его взглядом. Как только дверь закрылась, его лицо мгновенно стало холодным.

Он небрежно бросил свиток на пол, подложив его под ножку кровати, и достал недочитанный роман «Любимец Клана Сливового Пестика: миллион бессмертных любят твою матушку», с увлечением продолжив чтение.

В этом романе рассказывалась история матери Юэ Бочжи, Юэ Лофу.

Юэ Лофу была последней богиней Клана Сливового Пестика, и, по слухам, в неё были безумно влюблены все — от бессмертных владык до демонических повелителей. Благодаря этой легендарной истории на рынке появилось бесчисленное множество романов о Юэ Лофу.

Эта книга отличалась оригинальным подходом: история о всеобщей любимице рассказывалась от лица её сына. Необычный ракурс, нелепый сюжет, непредсказуемые повороты и полное отсутствие морали сделали её бестселлером.

Те Хэнцю читал и хлопал себя по ляжкам, ругаясь: «Что за чушь, идиотский сюжет, но так затягивает!»

Он ругался и читал, читал и ругался.

Не мог оторваться, вот уж действительно.

Дочитав роман, Те Хэнцю почувствовал, что его интеллект упал на несколько уровней.

Это чувство, когда твой мозг втирают в грязь, заставляя сомневаться в собственном здравомыслии, но в то же время доставляя извращённое удовольствие, опьяняло.

Почти как любовь.

Поэтому единственное, что могло захватить его больше, чем история матери Юэ Бочжи, — это сам Юэ Бочжи.

Те Хэнцю закрыл книгу и лёг на бок.

Он ждал, ждал.

И вот наступило новолуние.

Это было тринадцатое новолуние с тех пор, как он стал учеником внутренней ступени на главном пике.

И первое новолуние, когда он не принёс Юэ Бочжи Отвар снежной души.

Луна в новолуние всегда была особенно тонкой.

Те Хэнцю смотрел на серп луны в небе, и его мысли были натянуты, как тетива.

Он бессознательно коснулся своей груди.

Двенадцать новолуний, двенадцать чаш Отвара снежной души.

Он всегда согревал нефритовую чашу теплом своего тела, позволяя пару оставлять на груди алый след.

Вход в пещеру Юэ Бочжи всегда был покрыт инеем, и лишь когда он стучал, на безупречном снегу появлялись следы — его следы.

Эти следы позволяли ему тешить себя иллюзией, что он сможет оставить след и во взгляде Юэ Бочжи.

«Я хотел посмотреть, — подумал он, опустив глаза, — смогут ли эти двенадцать месяцев приучить Юэ Бочжи к моему виду».

Хотя, возможно, единственным, кто оказался в плену привычки, был он сам.

Те Хэнцю тихо вздохнул.

Он взял со стола остывший чай и вдруг заметил, как за окном промелькнула тень.

Его тело уже почти восстановилось. Заметив движение, он тут же выскользнул из комнаты, его шаги были быстры, как молния.

Энергия меча Те Хэнцю рассекла ночной туман, устремившись к тени.

Хэ Чуми увернулся, на его лице было недовольство: «Убери свой меч».

Хоть он и подкрадывался, как вор, но, оказавшись лицом к лицу, вытянул шею, словно маленький лебедь.

Вероятно, эта лебединая поза уже вошла у него в привычку.

Те Хэнцю, этот гадкий утёнок, иногда даже любовался им в таком виде — при условии, что этот лебедь не пытался выщипать ему перья.

Те Хэнцю убрал меч в ножны и, приняв привычное простодушное выражение, спросил: «А, это

ты, четвёртый старший брат. Что ты делаешь здесь в такой поздний час?»

Чем больше Хэ Чуми нервничал, тем больше он выпячивал грудь: «Гуляю».

«...Гуляешь ночью возле моей комнаты? — подумал Те Хэнцю. — Уж не собираешься ли ты бросить петарду в мой нужник?»

Увидев настороженность в глазах Те Хэнцю, Хэ Чуми почувствовал себя неловко.

Он поджал губы и, как бы невзначай, сказал: «Я только что вернулся с Пика Ста Чжанов».

«С Пика Ста Чжанов? — Те Хэнцю приподнял бровь, его сердце дрогнуло. — Это ты сегодня носил Юэ-цзуню Отвар снежной души?»

Хэ Чуми кивнул, его тон был нарочито безразличным, но в нём слышались нотки гордости: «Да, я сходил за тебя».

Услышав это «за тебя», Те Хэнцю едва не рассмеялся. Поручение, которое должны были выполнять все по очереди, из-за того, что он делал это год, стало его обязанностью.

Ему было смешно, но он не стал спорить и, сохраняя образ простодушного младшего брата, сложил руки: «Как я мог утруждать четвёртого старшего брата?»

Хэ Чуми, услышав это, расцвёл: «Ничего, мне всё равно было нечего делать».

Глядя на выражение лица Хэ Чуми, Те Хэнцю был поражён. «Он и вправду думает, что я должен его благодарить. И он... он ещё и рад этому? Как можно быть одновременно и злым, и наивным? Мир совершенствующихся воистину полон талантов. Из одного риса вырастают разные люди, в одной яме хоронят восьмерых».

Те Хэнцю подавил свои сомнения и задал самый важный для него вопрос: «Так... так сегодня Юэ-цзунь... он... он спрашивал обо мне?»

В другие времена его неуклюжая речь была притворной, но сейчас это смущённое заикание было искренним.

«Он действительно заметил, что отвар принёс не ты», — сказал Хэ Чуми.

Эти слова, словно искра, зажгли огонь в сердце Те Хэнцю, и на его груди снова появился знакомый обжигающий след.

Он изо всех сил пытался скрыть свою радость, но не мог унять бешено колотящееся сердце.

Уголки его губ поползли вверх, и его чуть не захлестнула волна эмоций. «Юэ-цзунь... он... он как спросил?»

Хэ Чуми прищурился, глядя на его улыбку, и с удивлением спросил: «Так рад? Ты и вправду хочешь выслужиться? Ты так настойчиво добивался этого поручения, чтобы подольститься к Юэ-цзуню?»

Услышав слово «выслужиться», Те Хэнцю усмехнулся.

В глазах этих избранных судьбой, такие, как он, недостойны взлетать к небесам, им суждено лишь рыть норы, как мышам!

Те Хэнцю не подал виду, его лицо оставалось простодушным, даже немного обиженным: «Я носил отвар целый год, и Юэ-цзунь сказал мне от силы десять слов, и то неласковых. Как я могу ему подольститься? Я просто боюсь, что своей неуклюжестью обидел его».

Услышав это, Хэ Чуми нахмурился, его подозрения рассеялись, и тон смягчился: «Не бери в голову, Юэ-цзунь всегда был холоден, он со всеми так».

«Со всеми так? — подумал Те Хэнцю. — Так не пойдёт. Мне нужно, чтобы он был без ума от меня, так же, как я от него».

«Впрочем, — продолжил Хэ Чуми, — ты действительно был в чём-то неосмотрителен».

Эти слова заставили деланое выражение лица Те Хэнцю треснуть.

«Я? В чём я был неосмотрителен? — в голове у Те Хэнцю загудело. — Прошу, просвети».

Хэ Чуми, видя его растерянность, сжалился: «Сегодня, когда я принёс отвар, Юэ-цзунь действительно заметил, что пришёл другой человек. Он сказал: „В этот раз отвар как раз не обжигает“».

Услышав это, Те Хэнцю застыл, словно поражённый молнией.

Хэ Чуми, видя его бледное лицо, сжалился, но всё же продолжил: «Словно он был недоволен, что ты раньше приносил слишком горячий отвар».

Обжигающая боль в груди Те Хэнцю стала ещё сильнее, но теперь она была насмешкой. Слишком... слишком горячо...

Значит, его попытки согреть чашу своим телом были лишь самообманом.

Нет, сказать «самообманом» — это ещё мягко... он просто доставлял человеку неудобства.

Впрочем, разве не такова участь большинства безответно влюблённых?

<http://bllate.org/book/16975/1581977>